

Я знаю, что это известие рассердит вас, но должен сказать: прежде чем прийти сюда, я долго и серьезно все обдумывал. Тогда мне действительно хотелось сжечь все дотла и навсегда забыть об этом. Поняв, что именно я натворил, я оцепенел от ужаса. Осознав, что я — тот самый...

— Бини, — произнес Артур, и в его голосе прозвучало дурное предчувствие.

— Что?

— Ты прав, я действительно сержусь на тебя, но вовсе не по той причине, о которой ты говоришь.

— А по какой?

— Во-первых, меня утомляет, когда ты толчешься у меня над душой. Когда я хочу спокойно сесть и докопаться до сути проблемы, ты вечно зудишь над ухом. Во-вторых, что гораздо важнее, я возмущен тем, что ты так долго тянул с результатами. Почему ты ждал столько времени?

— Я перепроверил все результаты только вчера.

— Вчера! Тебе следовало явиться сюда еще вчера! Бини, ты сказал, что всерьез подумывал скрыть все это. Ты говорил искренне? Ты действительно мог выбросить все в корзину, не сказав ни слова?

— Нет, сэр, — мученически произнес Бини. — По правде говоря, я никогда по-настоящему так не думал.

— Ну хорошо. А теперь скажи: неужели ты считал, будто я настолько упиваюсь собственной безупречной теорией, что не хочу слышать дурных новостей от своего талантливейшего ассистента и предпочел бы оставаться в неведении относительно ее изъянов?

— Нет, сэр, конечно же, я так не думал.

— Тогда почему ты не прибежал сюда в ту самую минуту, когда понял, что прав?

— Потому что... потому что, сэр... — Бини был готов сквозь землю провалиться и с удовольствием забился бы под самый ковёр. — Потому что я знал, как сильно вы расстроитесь. Подумал, что вы можете... можете слишком сильно разволноваться, и это подорвет ваше здоровье, поэтому я и решил утаить это от вас. Я поговорил с несколькими друзьями, взвесил все со своей колокольни и постепенно понял, что у меня нет выбора: я обязан рассказать вам о теории всемирного тяготения...

— Выходит, ты и впрямь считал, что я люблю свою теорию больше, чем истину?

— О нет, нет, нет, сэр!

На лице Артура снова появилась улыбка, но на этот раз куда более естественная.

— Но, понимаете ли, я ведь такой же смертный, как и все остальные. Хотите верьте, хотите нет, но теория всемирного тяготения принесла мне все почести на этой планете. Она — мой пропуск в вечность, Бини, ты же сам это прекрасно понимаешь. Мысль о том, что в этой теории может быть ошибка... о, это повергло меня в такой шок, что у меня онемело все тело. Как она могла дать сбой... Разумеется, я по-прежнему считаю свою теорию верной.

— Сэр, — проговорил Бини, явно ошеломленный этими словами. — Но ведь я проверял всё снова и снова! И...

— О, в том, что ваши результаты верны, я ни капли не сомневаюсь. Неужели Фано, Йемот и вы — все разом — решили ошибиться? Нет-нет, я уже говорил, такая вероятность крайне мала. Но ваши вычисления вовсе не обязательно опровергают теорию всемирного тяготения.

Бини несколько раз моргнул.

— Не обязательно?

— Разумеется, нет, — произнес Артур.

Напряжение в комнате спало, сменившись почти беззаботным чувством легкости. На смену фальшивой, мертвящей тишине пришло совершенно иное умиротворение — атмосфера, в которой ощущался подлинный поиск истины.

— Что в действительности означает всемирное тяготение? То, что каждое небесное тело во Вселенной притягивает находящиеся рядом с ним объекты с силой, которая прямо пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. И с какой целью вы использовали теорию тяготения при расчете орбиты Кальгаша? Чтобы выяснить, какое влияние на нашу планету оказывают силы, создаваемые различными небесными телами при вращении Кальгаша вокруг Онуса, верно?

— Да, сэр.

— Ну что ж, раз так, нет никакой необходимости выбрасывать теорию всемирного тяготения на свалку — по крайней мере, пока. Друг мой, нам нужно лишь по-новому взглянуть на устройство Вселенной и понять, не упустили ли мы из виду нечто такое, что следовало бы учесть в расчетах. Какой-то неизвестный, таинственный фактор, который непрерывно воздействует на Кальгаш силой, а мы этого не учли.

Брови Бини в испуге взлетели вверх. Он во все глаза уставился на Артура, а затем вдруг принялся хихикать. Сначала он крепко прикусил щеку, чтобы не издавать звуков, но сдержаться было выше его сил: весь смех застрял в горле, и ему пришлось приподнять плечи, шумно выпуская воздух. В конце концов ему даже пришлось зажать рот обеими руками, чтобы смех не вырвался наружу. Артур смотрел на него с таким изумлением, что лишился дар речи.

— Неизвестный фактор! — выпалил наконец Бини. — Какая-нибудь небесная рептилия! Или невидимое гигантское чудовище!

— Небесная рептилия? Чудовище? Послушай, о чем ты говоришь?

— Вчера вечером... Серимон-762... о, простите, тысяча извинений... — Бини изо всех сил старался взять себя в руки, мускулы на его лице непрерывно подергивались.

Он яростно моргал, пытаясь выровнять дыхание. Он на мгновение отвернулся, выждал, пока почти полностью успокоится, и снова повернулся к нему. С виноватым видом он произнес:

— Вчера вечером я выпивал с Серимоном-762 — вы знаете его, это газетный обозреватель. За столом я рассказал ему о своей находке и о том, как тяжело мне было решиться сообщить вам об этом.

— Ты ходил к репортеру?!

— Он человек надежный, мой близкий друг.

— Поверь мне, Бини, все они — мерзавцы.

— Этот — нет. Сэр, я хорошо его знаю и уверен, что он не сделал бы ничего, чтобы навредить мне или расстроить вас. Более того, он дал мне очень толковый совет. То есть я хочу сказать, он настаивал, чтобы я обязательно шел к вам, и вот я здесь. Кроме того, он изо всех сил пытался найти для меня хоть какую-то зацепку, понимаете, хоть какое-то утешение... Он сказал ровно то же самое, что и вы: мол, существует какой-то неизвестный фактор — его слова, слово в слово! — который искажает наше понимание орбиты Кальгаша. Я тогда только посмеялся и ответил ему, что притягивать за уши всякие неизвестные факторы бессмысленно. Проблему ведь можно решить запросто — разумеется, это была ирония, — если допустить подобное предположение. Тогда можно было бы просто заявить себе, что некое невидимое чудовище столкнуло Кальгаш с орбиты или что там бесчинствует гигантский дракон. И надо же такому случиться: ровно ту же самую мыслительную конструкцию я слышу сейчас от вас! И не от какого-то дилетанта вроде Серимона, а из уст величайшего астронома в мире! Представляете, каким глупцом я себя чувствую, сэр?

— Пожалуй, я и сам чувствую себя не лучше, — сказал Артур.

Всё это начинало походить на некий эксперимент. Его рука то и дело зарывалась в густые седые волосы, отчего Бини выглядел одновременно раздраженным и смущенным.

— Ты совершенно прав в том, что отучил друга пытаться решать проблемы с помощью пустых фантазий, но порой советы дилетантов не лишены здравого смысла. Ведь все мы понимаем: на орбиту Кальгаша определенно воздействует какой-то неизвестный фактор. По крайней мере, прежде чем разрушать саму теорию, стоит рассмотреть такую возможность. Думаю, сейчас самое время пустить в ход бритву Тагола. Ты знаешь, что это такое, Бини?

— Разумеется, сэр. Это принцип отсечения лишнего. Эту теорию впервые выдвинул средневековый философ Тагол-14. Он говорил: «Каждое сомнительное предположение надлежит предать мечу», — выразив тем самым свое отношение к гипотезам.

— Прекрасно, Бини. Нас учат следующему: «Если нам предложено несколько гипотез, прежде всего следует отсечь самую сложную». Сейчас у нас есть две гипотезы: первая — в законе всемирного тяготения кроется ошибка, и вторая — при расчете данных орбиты Кальгаша был упущен из виду некий неизвестный или непознаваемый фактор. Если мы примем первую гипотезу, то обнаружим, что структура всей Вселенной летит кувырком; если же мы примем вторую, всё, что нам нужно сделать, — это отыскать тот самый неизвестный фактор, в то время как базовые законы мироздания останутся нетронутыми. Искать нечто упущенное из виду гораздо проще, чем изобретать новые универсальные законы, управляющие движением небесных тел. А раз так, перед лицом бритвы Тагола гипотеза об ошибочности теории всемирного тяготения теряет всякую состоятельность. Мы можем смело отбросить ее и начать наши изыскания с простого объяснения. Ну что, по рукам, Бини?

Лицо Бини расплылось в сияющей, счастливой улыбке.

— Выходит, я вовсе не опроверг теорию всемирного тяготения!

— Во всяком случае, пока нет. Быть может, ты и заслужил свое место в истории науки, но вот кем — критиком-ошибкой или новатором — нам еще предстоит узнать. Будем надеяться, что вторым. А теперь, юноша, нам предстоит поломать голову над тяжелой работой.

Артур-77 закрыл глаза и помассировал рукой разболевшийся лоб. Он отчетливо осознавал, что уже целую вечность не занимался реальной наукой. Последние восемь или десять лет он почти полностью отдавал административной работе в Астрономической обсерватории, но мозг, породивший теорию всемирного тяготения, все еще был обязан вникать в такие вопросы. Мысленно он пообещал себе...

— Прежде всего, я хочу внимательнее изучить эту часть твоих расчетов, — проговорил он, — а затем тщательно перепроверить собственную теорию.

Штаб-квартира Культа Пламени представляла собой высокое, изящное башенное здание, сложенное из золотистого камня. Подобно гигантскому сияющему дротику, оно возвышалось на берегу реки Сепидан в самом оживленном районе Саро — Брилигаме. По мнению Серимона,

эта взмывающая ввысь остроконечная башня была самым дорогим сооружением во всем Саро. Хотя прежде он об этом не задумывался, неоспоримым фактом оставалось то, что Культ Пламени являлся баснословно богатой организацией. В их распоряжении находились собственные радио- и телестанции, издательства, газеты и эта самая башня, а возможно, втайне они контролировали и куда более масштабные активы. Он никак не мог взять в толк, откуда у этой кучки фанатиков такая силища, позволяющая заправлять активами стоимостью в несколько сотен миллионов. Зато он прекрасно знал, что такие видные промышленники, как Ботикер-888 и Вивен-99, были преданными последователями учения Мондира и его культистами. Ничего удивительного, что Ботикер, Вивен и их подельники вливали баснословные суммы в сокровищницу Культа Пламени. Сама организация заявляла, что ведет свою историю на протяжении десяти тысяч лет. Если взять за основу хотя бы тысячелетие — десятую часть этого срока, — то при умных инвестициях за минувшие века они, само собой, сколотили неисчислимые богатства благодаря сложным процентам. По оценкам Серимона, они владели миллиардами и, пожалуй, втайне контролировали едва ли не половину Саро. Сюда определенно стоило заглянуть, думал он.

Шагнув в просторный вестибюль башни, он услышал, как его шаги гулко отражаются от стен, и с благоговейным трепетом огляделся по сторонам. Хотя ему еще не доводилось бывать здесь раньше, ему доводилось слышать немало рассказов о невиданной роскоши и великолепии этого места, как снаружи, так и изнутри. Впрочем, ничто из услышанного до сих пор не побуждало его нанести визит в штаб-квартиру культистов.

Пол, выложенный полированным мрамором шести-семи ярких цветов, уходил вглубь просторного зала. Стены вокруг сияли: выложенная из золотистой мозаики абстрактная мозаичная вязь взмывала к высоким сводам. Позолоченные и посеребренные люстры заливали зал ярким светом, отчетливо высвечивая каждую деталь. Прямо напротив входа Серимон заметил нечто похожее на модель Вселенной.

Вся эта конструкция, судя по всему, была выполнена из драгоценных металлов и самоцветов. Огромные сферы, висевшие на невидимых нитях, спускавшихся с потолка, по всей видимости, символизировали шесть солнц. Каждая из сфер излучала зловещее сияние: золотистые лучи исходили от крупнейшего из светил, коим, пожалуй, являлся Онус; Довим испускал тускло-красный свет; пара планет-сестер Тано и Ситсар сияла холодным голубовато-белым светом; Патру и Трей отливали мягким белым сиянием. Седьмая сфера, вероятно, была Кальгашем: она словно воздушный шар металась туда-сюда между шестью солнцами, и по мере того, как она заплывала в лучи того или иного светила, ее окраска менялась.

Пока Серимон стоял, пораженно застыв на месте, откуда-то из ниоткуда донесся голос:

— Назовите себя.

— Я Серимон-762, прибыл на встречу с Мондиром.

— Пройдите в комнату сразу за левой рукой, Серимон-762.

Никакой двери слева он не заметил, но часть мозаичной стены бесшумно раздвинулась, открывая взору овальное помещение, больше похожее на приемную. Стены были задрапированы зеленым бархатом, а источником света служили прямоугольные плафоны янтарного цвета на потолке.

Пожав плечами, он вошел внутрь. Дверь за его спиной мгновенно захлопнулась, и он ощутил заметный толчок: о нет, это была вовсе не комната, а лифтовая кабина!

Ага, лифт шел вверх, в этом он не сомневался. Кабина двигалась плавно и равномерно, и после довольно долгого подъема наконец замерла. Дверь снова бесшумно скользнула в сторону. На площадке его поджидал человек в черной рясе.

— Следуйте за мной.

Миновав короткий и узкий коридор, они вошли в другую приемную. Одну из ее стен почти целиком закрывал барельеф с изображением Мондира-71. По мере того как Серимон продвигался вглубь, портрет словно озарился изнутри, странным образом ожил и заискрился. Глубокие черные глаза Мондира смотрели прямо на него, суровое лицо излучало сияние, придавая ему почти безупречный облик — пугающую, устрашающую красоту.

Столкнувшись взглядом с изображением, Серимон остался неизменно холодным и собранным. И всё же мысль о том, что вскоре ему предстоит взять интервью у столь необычной персоны, заставила его, несмотря на всю его выдержку, слегка поволноваться.

По телевизору и радио Мондир представал совершенно иным — фанатичным проповедником, извергающим нелепые пророчества. Сам же Мондир, если судить по таинственности, внушительности и гипнотичности этого портрета, мог оказаться совершенно другим человеком. Серимон приказал себе держать ухо востро.

Одетый в черное культист произнес:

— Пожалуйста, проходите...

Стена слева от портрета подалась назад, обнажая кабинет. Помещение напоминало крошечную тюремную камеру: кроме письменного стола из полированного камня и низкого табурета без спинки, здесь почти не было никакой мебели. Табурет был вырезан из цельного куска древесины редкой красной породы с темными прожилками и стоял прямо перед каменным столом.

За столом восседал человек, обладавший огромной властью и влиянием. Он был облачен в черную сутану, капюшон которой был обшит по краю красной тесьмой. Вид у него был внушительный.

Но это был не Мондир-71.

Судя по фотографиям и телеэфиру, возраст Мондира колебался от шестидесяти пяти до семидесяти лет, и во всем его облике чувствовалась мощная мужская стать. У него были густые волнистые волосы с проседью в черной шевелюре, круглое лицо, широкий рот, волевой нос, густые черные брови и пронзительные черные глаза.

Человек же, сидевший перед ним, был совсем молодым — ему едва ли исполнилось сорок. И хотя он тоже выглядел крепким и мужественным, это был совершенно другой тип: худой, с осунувшимся лицом и упрямо сжатыми, выпяченными губами. Курчавые волосы под капюшоном падали на лоб, и цвет у них был странный — кирпично-красный. Глаза — холодные, безжалостные, синие.

Безо всяких сомнений, это был кто-то из высших чинов организации, но Серимон договаривался о встрече именно с Мондиром. Сегодня утром, закончив писать репортаж о последнем заявлении Культа Пламени, он почувствовал необходимость узнать побольше об этом таинственном религиозном объединении. Конечно, всё, что они проповедовали, он изначально считал сплошной ложью, но теперь она казалась ему занимательной ложью, вполне заслуживающей более детального освещения. И какой же способ узнать больше мог быть лучше, чем прямая беседа с их верховным лидером? Если это вообще возможно, то данный вариант — лучший из возможных.

К его величайшему удивлению, когда он позвонил, чтобы договориться о встрече, ему ответили, что аудиенция с Мондиром-71 будет предоставлена ему в тот же день. Это казалось подозрительно легким.

Теперь же он понял: всё обстоит вовсе не так просто, как ему рисовалось в воображении.

— Я — Фримонт-66, — произнес худой человек.

Его голос звучал легко и пружинисто, в нем не было и следа давящей, агрессивной уверенности, свойственной Мондиру. Серимон заподозрил, что перед ним человек, привыкший во всем подчиняться чужой воле.

— Я помощник начальника отдела по связям с общественностью нашего ордена. Для меня большая честь ответить на ваши вопросы.

— Мы договаривались об интервью лично с Мондиром, — отрезал Серимон.

В глазах Фримонта мелькнуло ледяное равновесие, не выдавшее ни капли удивления.

— Вы можете считать меня официальным представителем Мондира.

— Насколько я понимаю, речь шла о с глазу на глаз.

— Никакой разницы. Всё, что вы скажете мне, вы говорите Мондиру, а всё, что говорю я, говорит Мондир. Вы же понимаете смысл.

— Тем не менее, мне гарантировали встречу с самим Мондиром. Я ни капли не сомневаюсь, что ваши слова авторитетны. Но я пришел не просто за информацией. Я хотел составить целостное впечатление о Мондире: помимо его взглядов на теорию гибели мира, мне было интересно узнать и другие его мнения...

— Мне остается лишь повторить то, что я уже сказал, — оборвал его Фримонт с торжественной серьезностью. — Вы можете воспринимать меня как представителя Мондира. Сегодня его высочество лично не сможет с вами встретиться.

— В таком случае я предпочел бы прийти в другой день, когда его высочество сможет...

— Позвольте сразу предупредить вас: Мондир никогда не встретится с вами лично. Никогда. Работа его высочества имеет критическое значение, ведь до того момента, как Великий Огонь уничтожит нас, осталось всего-навсего около дюжины месяцев.

Фримонт вдруг улыбнулся, и эта неожиданная улыбка излучала тепло и простую человечность. Возможно, желая смягчить горечь отказа и сделать менее пугающими слова о Великом Огне, он продолжил почти мягким тоном:

— Полагаю, тут вышла заминка: вы рассчитывали на аудиенцию с самим главой ордена, а не с его доверенным лицом. Но обстоятельства таковы, каковы они есть. Если вы не желаете беседовать со мной, мне остается лишь принести извинения за то, что вы проделали путь напрасно. Тем не менее, я — самый компетентный спикер из всех, кого вы здесь найдете, как сейчас, так и в будущем.

И на его лице снова застыла дежурная улыбка. Такая улыбка была равносильна тому, чтобы захлопнуть дверь прямо перед носом Серимона.

— Ну хорошо, — поразмыслив пару секунд, произнес Серимон. — Похоже, другого выбора у меня нет. Раз не получается взять интервью у него, брать интервью больше не у кого. Ладно, давайте поговорим. Сколько времени у нас есть?

— Сколько пожелаете, хотя наша первая беседа должна быть относительно короткой, к тому же вы... — он ухмыльнулся, и эта ухмылка казалась почти издевательской, что выглядело неожиданно, — к тому же вам полезно будет знать, что в общей сложности у нас в запасе всего четырнадцать месяцев, и за этот срок мне нужно сделать еще немало дел.

— Вы сказали — четырнадцать месяцев? Полагаю, так оно и есть. А что потом?

— Полагаю, вы не читали «Книгу Откровений»?

— Строго говоря, в последнее время — нет.

— Тогда позвольте мне... — Фримонт достал из потайного зазора в каменном столе книгу в красной обложке и толкнул ее по столешнице в сторону Серимона, — ...вручить ее вам. Надеюсь, вы почерпнете из нее немало полезного, пока я вкратце обрисую ее главную тему, которая, возможно, вас заинтересует. Времени в обрез: если быть точным, ровно через 418 дней, или, если еще точнее, девятнадцатого сентября следующего года, наш уютный, привычный мир претерпит грандиозные изменения. Шесть солнц погрузятся в черную дыру и исчезнут, на небе появятся все звезды, а Кальгаш превратится в огненное море.

Он произнес это так непринужденно, словно рассуждал о грозе, которая налетит завтра после полудня, или о редких цветах, зацветающих на следующей неделе в городском ботаническом саду. Кальгаш превратится в огненное море, шесть солнц канут в бескрайнюю черную дыру. Звезды...

— Звезды, — громко переспросил Серимон, — это что на самом деле такое?

— Орудия божьей кары.

— Не могли бы вы выразиться яснее?

<http://bllate.org/book/21124/2143630>